

А вниз — и мнится край, где юность прожил.

НОЧУЮ В ДОМЕ У ЧИСТОГО РУЧЬЯ

**Ночь провожу у Чистого ручья В дому у гор — хозяин мой да я.
Стреха глядит на дальнюю звезду, Подушка с ветром шепчется моя, И
на рассвете слышу с темных склонов Неистовые вопли обезьян.**

НОЧЬЮ ПОДПЛЫВАЮ К БЕСЕДКЕ ЧЖЭНЛУ

**Влечет река к Янчжоу наши лодки, Светла в ночи беседка у реки.
Цветы в горах — что щечки у красотки, Рыбачьи огоньки — что
светляки.**

В те времена даже поговаривали, что он — вовсе и не земной человек, а небожитель, пришелец со звезды Тай-бо (Великая Белизна; так древние китайцы называли планету Венеру), сосланный за провинность (а может быть — с высокой миссией исправления людских нравов), и матери его привиделся дух этой звезды, после чего в семье Ли и родился мальчик, получивший имя Бо (белый, белизна). По достижении совершеннолетия (тогда это было 20 лет) его наделили вторым именем Тайбо, созвучным названиям и звезды и уходящей в небо горы в современной провинции Шэньси. Тем самым в имени поэта Земля и Небо соединились в единую неразрывную сферу. Повзрослев, поэт не раз бывал на «своей» горе:

Покоряю до лучей заката Пик Великой Белизны крутой. И звезда Тайбо мне тоже рада, Отворяет небо предо мной.

В такой мифологизированной ауре пришествия Ли Бо в наш мир есть глубокий смысл. Он выводит поэта из земного ряда, показывая, что Ли Бо — не «первый среди равных», а нечто большее, единственное. И явно не случайно тут перекличка с легендами о рождении другого неповторимого великана духа — Конфуция, чьей матери на сносях приснился Единорог — мифическое животное, возвещающее явление миру великого мудреца. И второе